

GYÖRGY DIÓSDI, Ownership in Ancient and Preclassical Roman Law, Budapest, 1970, 193 стр.

В предисловии к своей книге Дьерди Дношди отмечает, что, несмотря на огромную литературу, посвященную римской собственности и ее истории, многие вопросы еще остаются спорными и при достаточно осторожном подходе к источникам еще возможны некоторые новые выводы. Его книга полностью подтверждает этот тезис. Превосходное знакомство с историографией проблемы и тон-

кий, всесторонний анализ источников позволили автору написать работу, ценную не только для специалистов по римскому праву, но и для историков, поскольку автор рассматривает юридические моменты (что составляет одно из капитальных достоинств его монографии) в теснейшей взаимосвязи с общим социально-экономическим фоном.

Книга состоит из двух частей: «Древ-

нейшее право» и «Предклассическое право», разделенных на главы. Часть I включает главы: «Происхождение частной собственности на движимое имущество»; «Происхождение частной собственности на недвижимость»; «Фампильная и индивидуальная собственность»; «Термины собственности и гомогенность patria potestas»; «Манципация»; «Предшественник usucapio: usus auctoritas»; «Древнейшие возмещения ущерба собственности»; «Происхождение сервитутов, fiducia и pignus»; «Природа древнейшей собственности. Общие и специфические черты». Часть II состоит из глав: «Формирование классического понятия собственности»; «Развитие передачи собственности»; «Развитие возмещения ущерба собственности»: «In bonis esse et nudum ius Quiritium»; «Природа предклассической собственности». Каждая глава, в свою очередь, делится на параграфы, первый из которых посвящен обзору существующих точек зрения, остальные два — основным пунктам рассматриваемой проблемы и обоснованию точки зрения автора. Закачивается книга обширным списком литературы и указанием.

Начинает автор с обзора различных мнений о сущности древнейшей собственности, обозначавшейся в Законах XII таблиц как familia и resunia. Исходя из этимологии этих терминов, он присоединяется к данному Моммзенем и Казером толкованию familia как совокупности людей, рабов и свободных, находившихся под властью домохозяина, а resunia как скота. Pater familias мог одинаково распоряжаться как тем, так и другим видом имущества, и разница между обоими терминами постепенно стерлась: и тот, и другой стали одинаково обозначать всю совокупность имущества. Может быть, пишет автор, эти термины родились в те отдаленнейшие времена, когда главный доход у римлян давало не земледелие, а скотоводство, когда скот и рабы стали первыми предметами частной собственности. Ко времени Законов XII таблиц земледелие было уже основным источником дохода, большая часть земли стала частной и была включена в понятие собственности, обозначавшейся как familia и resunia.

Переходя к «вечной дискуссии» о том, была ли у римлян земельная собственность первоначально коллективной или изначально частной, автор весьма тонко замечает, что уже начиная с Плиния Старшего ответ на упомянутый вопрос определялся политическими интересами участников спора. Сам он считает, что первоначально земля принадлежала родам и что нельзя без достаточных оснований отменять римскую традицию о hereditas, двухьюгеровых прусадбных участках, которые постепенно выделились из принадлежавшей роду территории и стали

частной собственностью, ядром будущих частных парцелл. Собственность родов, предшествуя возникновению государства и права, еще не основывалась на последнем, она была реальным, материальным, а не юридическим отношением. Ее защищал не закон, а сами роды. Возможно, что уже тогда отдельные участки отводились семьям, так как природные условия Италии не требовали коллективной обработки земли, что и обусловило раннее разложение коллективной собственности и возникновение частной. Так как в Законах XII таблиц последняя уже хорошо известна, она должна была возникнуть значительно раньше, когда сложились соответствующие условия: во-первых, земледелие стало давать избыточный продукт, что сделало землю источником богатства и объектом частного присвоения, во-вторых, когда осталось мало необработанной земли и возникла в ней нужда, в-третьих, когда появилась возможность использовать чужой труд. Последнее условие было подготовлено возникновением частной собственности на скот и рабов, что привело к выделению богатых домохозяев, располагающих рабочей силой рабов и клиентов, с помощью которых они могли возделывать большие участки. Тогда-то и появилась частная собственность сначала на прусадбные, а затем на пахотные земли.

Автор предполагает, что еще в более отдаленные времена в собственности родов мог находиться и скот, но никак не рабы: их отношения с владельцами всегда были личными. Рабство было важнейшим орудием разложения родовой и возникновения частной собственности. Последняя была первоначально собственностью семейной общины, все свободные члены которой выступали как совладельцы. Возможность ее раздела была, по мнению автора, оформлена Законами XII таблиц. То было началом разложения семейной собственности, заменой ее собственностью главы фамилии. В других, преимущественно торговых обществах, разложение фамилии вело к развитию экономической независимости ее сочленов. В земледельческом Риме с ограниченным количеством хорошей земли оно приводило к концентрации собственности в руках главы, что обеспечивало укрепление экономического базиса Рима.

Далее автор переходит к древним терминам собственности и власти pater familias: mancipium, potestas, manus. Mancipium означало власть, но не означало, что pater familias был собственником фамилии в современном смысле, так как ее сочленам принадлежала латентная собственность, проявлявшаяся после смерти главы. Mancipatio была не передачей собственности, а передачей положения, дающего власть, что проистекало из двойственного характера членов

фамилии: как рабочая сила они были имущественной ценностью, почему к ним применялась манципация, но вместе с тем они были не просто собственностью, а совладельцами. Власть над ними включала и имущественный и личный элемент. При патриархальном рабстве в отношении рабов личный элемент тоже присутствовал, но имущественный значительно преобладал. Поэтому рабы, как и остальные виды имущества — земля, быки, кони, ослы, относились к *res mancipi*. По мнению автора, именно сочетание личных и экономических отношений в хозяйственной целостности — фамилии объясняет отсутствие в древнейшие времена четкой концепции собственности, впоследствии выраженной терминами *dominium* и *proprietas*. Прimitивному характеру ранней собственности соответствовала и процедура манципации, находящей аналогии в оформлении актов купли-продажи у ряда других примитивных народов.

Остановившись на вопросе о приобретении собственности вследствие давности пользования — *usus*, автор приходит к выводу, что, как и другие установления Законов XII таблиц, *usus* был не юридической конструкцией, а институтом, под сказанным практическими потребностями: интересы всего общества требовали, чтобы земля была возделана, в интересах же правящего класса *usus* облегчал концентрацию земли за счет невозделанной, которую более богатые домохозяева могли захватить и возделывать трудом своих людей. Возможно, замечает он, что таким образом ускорялось частное присвоение земель, принадлежавших роду. Из практических потребностей, обусловленных разложением коллективной собственности, возникли и сервитуты. Ни сервитуты, ни древнейшее залоговое право не подтверждают теорию существования в древнейшую эпоху разделенной собственности, или собственности относительной, не согласных с абсолютным характером *patria potestas*. Римская собственность была абсолютной, никаких промежуточных ступеней между собственником и несобственником не было. Не были разделены собственность и владение, не было четкой грани между собственностью и фамильными отношениями. Но хотя в древнейшие времена и не было четкого понятия собственности, содержание ее было не более узким, чем в классическое время; возможно только, что моральные ограничения и ответственность собственника в условиях патриархальных отношений были большими, чем впоследствии, тем более что и контроль сограждан в маленькой римской общине мог быть более эффективным, чем в мировой державе. Со стадияльно близкими обществами римскую собственность роднит ряд черт: возникновение частной соб-

ственности из родовой, отсутствие четкой концепции собственности; характер манципации, установление залогового права. К специфически римским чертам автор относит: концентрацию индивидуальной собственности в руках *pater familias* с соответственными установлениями по защите и передаче его прав и власти, развитие *iuscario* — владения, возникающего из давности пользования и некоторые более частные моменты юридической процедуры. Общие черты, пишет он, объясняются сходством между всеми обществами, основанными на патриархальном рабстве; специфические — крестьянским характером Рима. Из этих специфических черт впоследствии и развилось уникальное римское право.

Вторую часть автор начинает с рассмотрения причин развития частной собственности и формирования четкой ее концепции, отразившейся в понятии *dominium*. Основную причину он видит в исчезновении патриархального рабства, в превращении рабов из членов семьи в простую собственность с параллельной эмансипацией свободных членов фамилии, потерявших свое значение рабочей силы. Таким образом, личные и имущественные отношения оказались резко разграниченными. Вместе с тем основной экономики стали не крестьянские хозяйства, а латифундии и торговля. *Res mancipi* потеряли свою исключительную значимость для производства, появились другие, не менее важные: корабли, провинциальные земли и т. п. Развитие сервитутов, узупфрукта, унификация понятий *usus* и *possessio*, переход значительной части *ager publicus* в частные руки способствовали разграничению понятий собственности, владения и пользования, т. е. законной и фактической власти над вещью. Наконец, влияние греческой науки и философии стимулировало разработанность абстрактных понятий, в частности понятия *dominium*, беспрецедентного в других системах права.

Развитие торговли требовало умножения актов, оформлявших отчуждение собственности. К старым *mancipatio* и *in iure cessio* прибавились *traditio* и *iuscario*. Развивались и формы защиты прав собственности, в частности касательно сделок, заключенных несобственным отчуждаемой вещи.

Большое внимание автор уделяет бонитарной собственности, отрицая ее существование как особого вида собственности. Он доказывает, что выражение *in bonis esse* не было техническим термином и использовалось в различных значениях, между прочим, и как право на вещь, включая узупфрукт, эмфитевсис и квинтскую собственность, которая, следовательно, бонитарной не противопоставлялась. Речь могла идти лишь о некоторых ситуациях, когда квинтская собственность разделялась на *in bonis*

esse, что означало принадлежность вещи к чьему-либо имуществу, и на *nudum ius Quiritium*. В текстах, упоминающих такое разделение, речь идет обычно о рабах и правах на них того и другого собственника. По мнению автора, именно развитие рабства и потребности в неформальных сделках по отчуждению рабов и привели к уточнению понятий *nudum ius* и *potestas*, соответствовавшей формуле *in bonis esse*. Таким образом, всегда существовало не два, а одно право собственности, имевшее же внутри его различие между *plenum ius* и *nudum ius* особой роли не играло, так как благодаря праву приобретения по сроку давности пользования через 1—2 года действие *nudum ius* автоматически прекращалось.

Подводя итоги второй части, автор указывает на столкновение консерватизма римского права с требованиями, возникавшими в результате усложнения социально-экономических отношений, и отмечает новые, порожденные этим противоречием институты. Однако, заключает он, при всех изменениях собственность не стала ни сурово ограниченной, ни неограниченной — ограничения собственности он усматривает в законах против роскоши. Если древняя собственность в Риме имела общие черты с собственностью других древних народов, то в предклассический период (т. е. в конце Республики) она стала специфически римской, не имеющей аналогий в других системах права.

Ряд выводов автора производит особенно убедительное впечатление благодаря его методу подхода к источникам. В отличие от многих других исследователей он никогда не пытается ни приписывать римским юристам понятия и концепции, навеянные современностью, ни толковать их свидетельства с искусственной усложненностью, а напротив, исходит из того, что непосредственно сказано в разбираемом им тексте.

Некоторые сомнения вызывает сознательный отказ автора от использования источников, не являющихся чисто юридическими. Лишь изредка он упоминает, что тот или иной интересующий его термин встречается у Плавта, Цицерона, и других, однако, вероятно, не в строго юридическом смысле. Возможно, конечно, что юридическая терминология могла по времени ее возникновения не совпадать с той же терминологией, имевшей хождение в быту и отраженной у писателей. Однако думается, что, стремясь поставить эволюцию права в связь с эволюцией всех прочих институтов общества, не следовало бы пренебрегать и теми данными о реальных отношениях, которые могли существовать, еще или уже не отражаясь в праве. Так, например, судя по некоторым фактам, можно полагать, что некогда рабы тоже могли быть собственностью рода и что пережитки по-

добных отношений были достаточно живучи¹, что косвенно подтверждает и родовую собственность на землю. Возможно также, что для проблемы ранней собственности, в частности разделенной собственности, и генезиса понятий собственности и владения в его взаимосвязи с пользованием не лишены были бы значения, весьма, правда, скудные данные о ранней клиентеле. Они позволяют считать, что некогда существовала частично дожившая и до времен Поздней республики категория наследственных держателей земли, именовавшихся то клиентами, то колонами². Эти клиенты-колоны, очевидно, отличались от колонов, арендовавших землю по договору и, возможно, имели на свои участки какие-то владельческие права (поскольку эти участки передавались по наследству), которые могли повлиять на формирование понятия *possessio* и его связи с *usus* (Aelius Gallus, *Fragm.* 12).

Сомнение вызывает и то обстоятельство, что автор, неоднократно подчеркивая значение для развития собственности экономических перемен, совершенно оставляет в стороне значение перемен в социальной и политической структуре Рима, отмечая лишь изменения в характере рабства (переход от патриархального рабства к «классическому»). Между тем вряд ли можно сомневаться в том, что в ходе борьбы патрициев и плебеев, в которой аграрный вопрос играл большую роль, в результате одержанных плебейми побед и, наконец, в последние века республики, когда в центре событий стоит борьба между мелким и крупным землевладением, одной из существенных сторон которой была борьба новых собственников за укрепление их прав на землю против возможных аграрных законов, утверждались новые или, во всяком случае, модифицировались старые отношения к собственности на землю и ее оформлению. Уже самый переход от догосударственной эпохи к эпохе государства, базировавшегося на античной форме собственности, должен был как-то сказаться на собственности на землю хотя бы потому, что сопровождался наделением немущих земель (соответственные легенды о римских царях скорее всего содержат некое зерно истины) и установлением земельного максимума, бывшего, кстати сказать, гораздо более характерной ограничительной мерой, чем законы против роскоши. Нельзя ли в этой связи предположить, что специфические для римской земельной собственности черты, о которых говорит автор, объясняются не только и даже не столько аграрным характером римской

¹ Е. М. Ш т а е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 163—164.

² Там же, стр. 67—71.

экономики (стадиально близких аграрных обществ было огромное множество), сколько основными чертами античной гражданской общины в ее римском варианте, явления сравнительно редкого, возникавшего лишь при неких особых, не часто имевшихся условиях. Одной из важнейших предпосылок сохранения и функционирования античной гражданской общины было, как известно, совпадение статуса гражданина и землевладельца, максимальное ограничение числа граждан, не владеющих землей и вообще немущих. Отсюда могли проистекать такие отмеченные автором специфические для Рима моменты, как концентрация собственности в руках главы фамилии, что, как и первоначальная общность имущества братьев, должно было ограничить дробление земли и прочего достояния, а также предотвратить обнищание отделившихся от фамилии сочленов. Глава фамилии как единственный собственник обязан был заботиться и о содержании находившихся под его властью лиц. В противном случае забота о наделении их землей или материальном вспомоществовании ложилась бы на совпадавший долгое время с государством коллектив сограждан. То же относится и к *usucapio*.

Возникновение этого института могло обуславливаться не только стремлением к тому, чтобы вся земля обрабатывалась, но и к тому, чтобы максимальное число граждан имело доступ к пригодной для обработки земле. В пользу подобного соображения может быть приведено известное положение Гая, согласно которому «каждый может без насилия приобрести владение также и чужим именем, которое пустует или вследствие небрежности собственника, или потому, что собственник умрет или будет долгое время отсутствовать»³. Правда, речь здесь идет о владении — *possessio*, однако если предположить, что сформулированное Гаем положение восходит к гораздо более ранним временам, когда владение и собственность не были четко разграничены, то цель здесь можно усмотреть ту же, что и при развитии *usucapio*.

Как мы видим, рецензируемая книга дает богатый материал и открывает дальнейшие перспективы перед исследователями как юридической, так и социально-экономической истории Рима.

Е. М. Штаерман

³ *G a j.*, *Inst.* 2, 51; «Римское частное право», М., 1948, стр. 183.